

Вой гіены между тѣмъ сталъ видимо приближаться; онъ слышался уже вблизи отъ нашихъ верблюдовъ. Рашидъ сперва хотѣлъ отогнать несносное животное, но потомъ, какъ ужаленный змѣею, вѣроятно, вспомнивъ, что это не гіена, а саахръ или марафилъ, вернулся назадъ и прижался ближе къ толпѣ трепещущихъ арабовъ. Видя смущеніе своего беззавѣтнаго храбреца и желая хотя немного успокоить волненіе суевѣрной толпы, я рѣшился прогнать ночного хищника, вой котораго началъ разстраивать въ эту ночь даже мои крѣпкіе нервы. Но едва я, взявъ свою берданку, направился черезъ шатры хаджей и верблюдовъ, лежавшихъ со связанными ногами и пережевывавшихъ жвачку, какъ Абдъ-Алла остановилъ меня словами предостереженія.

— Куда ты благородный хакимъ-московъ? Вѣдь ты идешь на вѣрную смерть, потому что это не звѣрь, а саахръ, — клянусь Богомъ! Останься у костра твоихъ друзей и у хеджаба Абдъ-Аллы; сюда не подойдетъ трижды проклятый, потому что онъ побойтса гнѣва пророка. Бойся, чтобы его айетель-хассидъ (злой глазъ) не увидѣлъ тебя вдали отъ святого покровца Магомета; онъ пронзитъ твое сердце, прожжетъ твой мозгъ и попадетъ твою внутренности. Не ходи, храбрый московъ. Послушайся Абдъ-Аллы. Твое ружье не можетъ убить марафила — да проклянетъ Господь врага человѣка!

Предоставивъ Букчѣву разубѣждать старика шейха и рѣшившись хотя немного успокоить переполошившійся караванъ, я былъ твердъ въ своемъ намѣреніи и быстро пробирался между верблюдами, пережевывавшими колючій бурьянъ, обильно росшій у нихъ подъ ногами, и направился къ горамъ, откуда слышался еще вой гіены, и по временамъ — горной совы.

Я подошелъ къ ручейку; тихо журча, онъ катился по своему песчаному ложу, блистая серебряными и жемчужными струйками, слегка змѣвившимися отъ камней, загромождавшихъ путь. Такъ и хотѣлось зачерпнуть этихъ перловъ и алмазовъ, сверкавшихъ подъ ногами на подобіе баснословной розсыпи, такъ и хотѣлось умыться этою серебристою влагою, чтобы «заблестать красотою подобно гуріямъ Магометова рая, умывающимся серебристою водою райскихъ фонтановъ». Кругомъ было такъ торжественно и спокойно, что еслибы не вой гіены, раздававшійся за скалою, какъ надгробный вопль надъ мертвецомъ, лежавшимъ непогребеннымъ въ караванѣ, то можно было бы вспомнить одну изъ тѣхъ безмолвныхъ лунныхъ ночей, которыя описываетъ волшебными красками «Тысяча и одна ночь».